

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

Алексей МАКЕЕВ

НАД ТЕМНОЙ ВОДОЙ

Черная кошка

Николай Леонов

Над темной водой

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Над темной водой / Н. И. Леонов — «Эксмо», 2026 — (Черная кошка)

ISBN 978-5-04-250418-1

Легендарный детективный тандем Леонов — Макеев. Полковнику МВД Льву Гурову поручено разобраться в деле одиннадцатилетней давности. Тогда в подмосковном поселке была убита молодая девушка Ксения. Местные жители указывали следствию на предполагаемого убийцу, но сыщики почему-то на это не отреагировали. В результате за решетку отправился добровольно взявший чужую вину на себя Василий Скачков. После освобождения Скачков признается Гурову, что действительно не убивал. Но кто же тогда, желая смерти, схватился за нож? Картина происшествия остается туманной, пока не появятся свидетели, видевшие преступление своими глазами... Николай Леонов, в прошлом следователь МУРа, не понаслышке знал, как раскрываются самые запутанные уголовные дела. Поэтому каждая его книга — это правдивая захватывающая история с непредсказуемой интригой и неожиданным финалом. Главный герой этих книг — полковник Лев Гуров, сыщик высокого класса, к тому же с массой положительных человеческих качеств. Его уважают друзья, боятся враги и любят женщины. Он — настоящий отечественный супермен. Романы о Льве Гурове вот уже сорок лет неизменно привлекают поклонников отечественного детектива. Ставшая классической серия «Черная кошка» насчитывает более 200 книг, вышедших тиражом в десятки миллионов экземпляров.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-250418-1

© Леонов Н. И., 2026

© Эксмо, 2026

Содержание

Над темной водой	7
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Николай Леонов, Алексей Макеев

Над темной водой

© Макеев А.В., 2026

© ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Над темной водой

Повесть

Глава 1

Старик сидел на скамейке и невидящим взглядом смотрел перед собой. В руках он держал хлеб, и его пальцы, словно бы жившие сами по себе, отщипывали от горбушки небольшие кусочки и бросали наземь. И хотя его незрячие глаза не видели ни воробьев, прыгающих у самых его ног, ни голубей, слетающихся к нему с крыши соседнего дома, но он чувствовал присутствие птиц, слышал шелест их крыльев, их суету, и на душе у него было тихо и спокойно. А что это было именно так, выдавала его улыбка, которую не могла скрыть даже густая, но аккуратно подстриженная седая борода.

Утро было раннее и воскресное. Солнце только-только встало из-за горизонта, а потому народ в большинстве своем еще нежилась в кроватях, досматривая сны и не торопясь вставать и приступать к своим домашним делам. За тот час, что старик сидел у ворот своего дома, мимо него прошли только двое – соседка Полина, которая работала в сельском магазине, и бездомный старый пес Викентий, который тоже плелся в этот час к магазину в надежде, что Полина накормит его колбасными обрезками.

Проходя мимо старика, Полина, не останавливаясь, поздоровалась с ним, а пес, подойдя, ткнулся носом в стариковские колени и тяжело, по-стариковски же, вздохнул, словно бы сочувствуя и себе, и человеку. Птицы, зная, что пес их не тронет, не стали разлетаться, а лишь отпорхнули на некоторое расстояние, больше из вежливости, чем от страха. Викентий, подойдя к старику и поздоровавшись с ним, не стал задерживаться и потрусил дальше, даже не понюхав рассыпанный на земле хлеб. Не потому, что брезговал съесть его, а потому, что знал – не для него он был накрошен.

Пару раз мимо старика по дороге проехали машины. Одна из них коротким сигналом приветствовала старика, и тот поднял руку – поздоровался в ответ.

– И тебе, Паша, тоже доброго утра, – тихо сказал старик и продолжил неторопливо и задумчиво крошить хлеб.

Сентябрьское солнце пригревало, и уходить со своего места старику не хотелось. Да и не торопился он никуда. В доме его ждать было некому. Пусто было в доме старика. А коль в доме пусто и ждать некому, то и торопиться не стоит. Какая разница, когда ты вернешься в пустой дом – сейчас, через два часа или даже к вечеру? Все равно тебя там никто не ждет и не встретит.

Слева от старика слышались тяжелые, неторопливые шаги. Кто-то незнакомый подошел к скамейке и сел рядом. Незнакомый – именно так. Если бы это был кто-то из соседей, так старик бы его по шагам узнал. А так...

– Здорово, Иваныч. Жив еще, значит?

Голос показался старику знакомым, но он никак не мог вспомнить, кому он принадлежал, а потому и промолчал, не отвечая на приветствие.

– Ты оглох, что ли? – снова поинтересовался незнакомец. – А мне сестра писала, что ты ослеп. Получается, что и оглох тоже...

Голос звучал сочувственно, и теперь только по этой самой сочувственной интонации старик вспомнил, кому он, этот голос, принадлежит.

– Васька, ты, что ли? – спросил старик и повернул голову в ту сторону, где сидел его собеседник.

– Я, Пимен Иванович, кто же еще, – рассмеялся собеседник. – Не оглох, значит? Стало быть, ошибся я. А чего сразу-то не ответил? Не признал?

– Не признал, – улыбнулся старик. – Так ведь сколько лет прошло. Я думал, что и не доживу до твоего возвращения. Старуха моя вот не дожила... – Улыбка на лице старика угасла.

– Да... – сочувственно проговорил тот, кого старик назвал Василием. – Царствие небесное рабе божьей Марье Поликарповне. Писала мне Татьяна, что болела она у тебя сильно.

– Болела, родимая, – кивнул старик, но в подробности вдаваться не стал, а спросил: – А ты, значит, все – отсидел свой срок?

– Отсидел. Как положено. От звонка до звонка. Отбыл наказание и вернулся вот обратно. В интонации говорившего старик почувствовал неприкрытую радость и потому уточнил:

– Рад, значит, что вернулся?

– Рад, Пимен Иванович, рад. Теперь, после всех моих мучений, радости у меня будет много. Жить буду хорошо и вольготно. Думаю даже бизнесом заняться. Во как.

Старик помолчал, словно бы прислушиваясь к своим внутренним ощущениям, а затем с некой долей иронии поинтересовался:

– А денег-то у тебя на бизнес хватит? Много ты их на зоне заработал?

– Не на зоне, это точно, но заработал, – рассмеялся мужчина и похлопал старика по коленке. – Это у нас в Желябино все считают Ваську Скачкова дурачком. А я совсем даже и не дурачок. Я знал, на что шел, когда десять лет назад сознался в убийстве Ксюхи. Так-то. Теперь я за эти свои десять лет жизни в тюрьме сполна получу. Буду жить как король. Ладно, Иваныч, пойду я. Дел у меня сегодня много. Да и у сестры я еще не был. Вот только зайду домой, гляну, что там, в хате, без меня за десять лет случилось, да и к сеструхе в Нахабино махну. Чего я тут, в этой дыре, забыл? У меня теперь жизнь другая намечается. Совсем другая, ты понял? Бывай. Увидимся еще...

Мужчина неторопливо встал, и старик услышал его удалявшиеся шаги.

– Как король, значит, – немного помолчав, покачал головой Пимен Иванович. – Ну-ну. Посмотрим, сосед, какой из тебя король получится, – скептически усмехнулся он в бороду и вздохнул.

А повод для скепсиса у Пимена Ивановича был весьма даже весомый. Потому что не зря Василия Скачкова в деревне Желябино все считали дурачком. Ой, не зря. Уж это Пимен Иванович знал точно. Так же точно, что Василий не был никаким боком причастен к тому давнему убийству одиннадцатилетней давности. И как то, что никаким королем, как он о том мечтал, Ваське Скачкову в жизни не стать. Есть люди, которым королями не стать ни при каком раскладе – даже если осыпать их золотом. И Василий Скачков был как раз из таких людей.

– Эх, где мои годы, – прокрихтел старик, тяжело вставая со скамейки. – Скинуть бы мне сейчас лет сорок или хотя бы тридцать. Вот тогда бы я всю эту историю на чистую воду вывел. А теперь что? Теперь времена другие. Пора идти кашу варить да о делах небесных думать, а не о земных.

Старик неторопливо пошаркал к калитке, но, не дойдя, остановился, прислушиваясь. Кто-то торопливо переходил дорожку за его спиной.

– Увидела, значит, в окно, – проговорил старик сам себе и неторопливо развернулся. – Рано встала, Лидия. Чего не спится-то? Выходной ведь, – обратился он к подхихивавшей к нему женщине.

– А то ты сам не знаешь, отчего я к тебе поспешила, – ответила женщина и запоздало поздоровалась: – Доброго тебе утра, Пимен Иванович. Пойдем в дом. Я тебе пирогов принесла. Вчера вечером на ужин стряпала. Ты ведь не завтракал еще? Вот и поешь с чайком.

– Идем в дом, там поговорим, – согласно кивнул старик и, позволив женщине взять себя под руку, направился по дорожке, ведущей к дому.

Едва вошли в хату, соседка привычно засуетилась, стала накрывать на стол, поставила на плиту чайник. Вопросов не задавала, пока старик не сел за стол и не откусил один из принесенных пирогов.

– Васька? – спросила она и в ожидании ответа на свой незатейливый вопрос не отрываясь, пристально стала смотреть на лицо старика.

Смотрела так, словно старалась угадать по выражению лица Пимена Ивановича, каково его отношение ко всему, что произошло – к возвращению Скачкова из тюрьмы, к их разговору на скамейке, к тому, что может произойти дальше. Старик неторопливо прожевал пирог и ответил:

– А то сама не видела. Вернулся вот.

Он снова замолчал и продолжил есть, неторопливо дую на горячий чай и так же неторопливо и тщательно прожевывая откусанные от пирога куски. Женщина нетерпеливо поерзала на стуле, но торопить старика не стала. Знала его характер. Ждала, когда он сам все ей расскажет.

– Веселый вернулся, – наконец ответил ей на незаданный вопрос Пимен Иванович. – Рассказывает, что теперь, после отсидки, будет жить как король. Бизнесом думать заняться. Как думаешь, займется? – насмешливо поинтересовался он у собеседницы.

Та ответила не сразу. После слов старика она нахмурила брови, задумчиво потеревила пуговицу на кофточке, а только потом, покачав головой, ответила:

– Как был дурачком, так и остался. Не научила его, видать, тюрьма уму-разуму. Надо бы Татьяне позвонить. Поговорить с ней. Не ровен час, беду себе на голову Васька накличет. Сидел бы уж теперь тихо-то. Не ворошил прошлое. Ксюшку уже не вернешь, а мужика жалко будет, если по дурости своей снова в нехорошую историю попадет. А то ведь и того хуже все для него может обернуться.

– Может, – согласился с доводами соседки старик.

– Ты, Пимен Иванович, у нас человек грамотный, жизнью наученный, с законами знакомый. Недаром прокурором большого города когда-то был. Знаешь, что такие, как наш Василий, как кошки, на свой хребет наскрести могут, если молчать не будут и на рожон полезут. А ведь он по глупости своей ползет. Ползет, как думаете?

– Васька-то? Васька ползет, – снова согласился Пимен Иванович.

– Вот и я говорю. Я ведь его с малых лет знаю. Да и не только я. И вы, да и все в Желябино его знают, – вздохнула женщина. – Посоветуйте, Пимен Иванович, что делать-то.

– Так если бы я знал... – Старик пригладил пятерней бороду. – Пока не знаю. Надо подумать. Подождать. А ты, Лидия Максимовна, как и хотела, позвони Татьяне. Поговори с ней. Пускай присмотрит за братом. Во всяком случае, пускай он пока у нее поживет. Может, и обойдется все.

– А если нет? – с беспокойством посмотрела на старика женщина. – Васька ведь, если узнает, что его обманули... А может, не обманули? – задалась она вопросом.

Старик понял это по ее интонации и ответил:

– Скорее всего, обманули. Не думаю я, что они тогда Ваське всерьез что-то обещали. Да и десять лет прошло с тех пор... Много чего за это время изменилось. Много чего...

Они помолчали, размышляя каждый о своем, потом женщина встала:

– Так я побегу. Позвоню Татьяне. А перед обедом снова к вам забегу. Щей принесу да ужин вам приготовлю.

– Беги, Лидия Максимовна. Дай бог тебе здоровья. А насчет Васьки не переживай. Придумаем что-нибудь. И скажи Татьяне, чтобы в случае чего тебе звонила. Не держала в себе, о чем брат ее помышляет. Так и до беды недолго. Миром зло победить всегда легче, чем в одиночку. Придумаем что-нибудь.

Соседка ушла, а старик задумался. Легко сказать – придумаем, да тяжело сделать. Что тут придумаешь, когда с какой стороны ни зайдешь, а все упирается в одно – в то самое старое дело

одиннадцатилетней давности. И даже не в само дело, а в то, как и кем оно проводилось. Хотя и давно это было, и много с тех пор, как говорят, воды утекло, да вот только люди, что вели это дело, остались. Они – живы. И многие из них теперь так высоко стоят на лестнице власти и при таких деньгах, что просто так их с этой лестницы не скинешь, не собьешь. Очень уж они там крепко стоят и мертвой хваткой держатся за свое положение и свою власть. А что он, старик, может против властей предержавных сделать? Ничего. Будь он хоть трижды бывший прокурор большого города. Главное слово тут будет не «прокурор», а «бывший». Вот то-то и оно...

Пимен Иванович на ощупь прибрал со стола и так же на ощупь помыл за собой посуду. Он давно уже научился ухаживать за собой сам – несмотря на слепоту. Не все, конечно, ему удавалось. Но соседки – Полина и Лидия – не бросали его после смерти жены и исправно прибегали помочь ему по хозяйству. Полина приносила продукты из магазина, прибирала дом и забирала в стирку грязное белье, а Лидия готовила еду, прибирала во дворе. Муж Лидии Максимовны, Павел, по субботним дням топил баню и сам ходил со стариком, составляя ему компанию и в бане, и за ужином, с чарочкой хмельного после мытья.

Но во всем остальном старик обходился без посторонней помощи. Жена умерла семь лет назад, когда зрение у него еще какое-никакое, но было. Так что с домашним хозяйством он управляться научился. А когда ослеп и врачи сказали, что поздно и операцию проводить, да и толку с той операции, пожалуй, не будет никакого, то принял этот приговор как должное – терпеливо стал учиться жить в темноте. Но и от помощи соседок не отказывался. Понимал, что эта помощь есть благо от Бога.

Раньше, когда Пимен Иванович был прокурором большого города, он ни в какого Бога не верил. В советское время коммунистам не полагалось быть верующими. Вот он и не был. И даже жену свою за эту веру иной раз укорял – она-то, в отличие от него, пыталась верить. Но потом, когда он ушел на пенсию и уехал из большого города на житье в Желябино, то стал задумываться о бытии и о создателе сего бытия. И даже в местную церковь на службу начал ходить, а потом и крестился. Чем немало порадовал свою жену.

Жизнь свою и службу в прокуратуре Пимен Иванович, поселившись в Желябино, вспоминал часто. И даже успел написать книгу о своей прошлой работе и о тех делах, которые ему приходилось тогда вести. И книгу ту даже местные власти за свой счет из уважения к Пимену Ивановичу напечатали. Он тогда эту книгу всем соседям раздал...

– Давно это было, – вздохнул старик, вспоминая свое прошлое вслух. Ну а с кем ему еще было поговорить, как не с самим собой? – Васька Скачков тогда совсем пацаном был. В классе пятом, кажется, учился. М-да... Давно было.

С семейством Скачковых Пимен Иванович Матюшин был знаком с той самой поры, как переехал в село. С соседями как не познакомиться? Тогда и мать, и отец Василия и Татьяны еще живы были. Они оба погибли через год после того, как сын их, по глупости своей, сел в тюрьму. Поехали к нему на свидание на своей машине, да не вернулись обратно живыми. В аварию случилось попасть. Татьяна, старшая сестра Василия, к тому времени давно уже замужем была. Жила с мужем и дочкой в соседнем поселке городского типа Нахабино. Дом же Скачковых с тех пор так и стоял нежилым. Татьяна, вступив в наследство, продавать его не торопилась. Первые годы после смерти родителей использовала дом как дачу, но недолго, всего года три или четыре, а потом только наездами в отчем доме бывала. Продавать не хотела, думала брату отписать дарственную, когда тот вернется после отсидки.

– Похоже, что Василий не собирается оставаться в селе, – снова вслух произнес Пимен Иванович, размышляя о соседях и о том, что пути Господа неисповедимы и неведомы простым смертным. – Зря Татьяна не продала дом сразу после смерти родителей. Хорошую цену за него давали. А теперь, пожалуй, уже не дадут. Дом, должно быть, неухоженный, ремонт требуется. Все брошенные дома становятся неухоженными... А кто его будет делать, тот ремонт?

Старик вздохнул и подумал, что и у его дома теперь та же самая беда: нет хозяйских рук и некому за домом присматривать. Из слепого какой хозяин? Вот то-то и оно. А ведь и его дом тоже надо будет кому-то продавать, пока еще есть что продать. Вот и Лидия Максимовна не так давно на это ему намекала. Мол, пока дом еще крепкий, надо покупателя на него найти. Наследников-то у Пимена Ивановича не было. Был когда-то сын, да и тот еще в раннем детстве умер.

– Надо что-то придумать. – Мысли старика от воспоминаний об умершем сыне снова перескочили на сегодняшний день и на стоявшую перед ним проблему – как уберечь Василия Скачкова от беды. – Надо с кем-то посоветоваться... С кем? Есть только один человек, с которым я могу об этом поговорить со всей откровенностью. Только один... Надо найти его номер телефона.

Пимен Иванович неторопливо, как это и положено делать слепым людям, прошел из главной комнаты в спальню. Добравшись до комода, он открыл верхний ящик и стал рыться в нем, на ощупь отыскивая под лежавшим там бельем старую записную книжку. Наконец, нащупав, вытянул ее наружу и задумался. Найти-то он ее нашел, а вот отыскать и прочесть в ней нужный ему номер он никак не мог. Идти к Лидии, чтобы просить ее найти этот номер и набрать его на телефоне, он тоже не хотел. И не потому, что не мог сделать это физически, а потому, что не хотел, чтобы она знала, что он, Пимен Иванович, звонил этому человеку и разговаривал с ним о той самой давней трагедии – об убийстве ее, Лидии Максимовны Щегловой, дочери Ксении.

Как же быть? К кому можно обратиться за помощью и кто не расскажет потом Лидии, что он звонил Штукатурову? Пимен Иванович задумался. Из глубокой задумчивости его вывел голос соседа – мужа Полины.

– Иваныч, ты где затаился? Завис, понимаешь, как компьютер над неразрешимой задачей. Или оглох? Я тебя два раза позвал, а ты не отвечаешь. Или случилось чего?

– Случилось, – ответил бывший прокурор большого города. – Сам бог тебя ко мне привел, Митя. Подойди ближе. Мы с тобой сейчас секретничать будем.

– Хм, интересно, – шагнул в его сторону сосед. – Рассказывай, что у тебя на уме.

– К вам утром Лидия не заходила? – поинтересовался Пимен Иванович, садясь на кровать и жестом приглашая соседа последовать его примеру.

– Нет, не было, – с некоторым удивлением ответил сосед. – Да и для чего ей заходить? Полька в свой магазин ушла. Сегодня ее смена. А больше у нас сплетничать не с кем. Разве что с котом. Но и он с раннего утра куда-то из дома сбежал.

– Это хорошо, – заметил старик.

– Что хорошо? Что кот убежал, или что Полина на смену ушла, или... – весело начал перечислять Дмитрий Евгеньевич, а попросту и по-соседски – Митя.

– Все хорошо, – прервал его Пимен Иванович. – Особенно что, кроме Полины и кота, у вас Лидии и поговорить не с кем. Ты, я знаю, человек-могила, и тебе можно доверять. Можно или нет, я спрашиваю?

– Можно, – уже серьезно ответил сосед. – Говори, что там у тебя за секреты. Но если ты насчет завешания...

– Да нет, – махнул рукой Пимен Иванович. – Какое там завешание. Пока что не до завешания. По этому делу я с тобой, как с нотариусом, позже, на днях, переговорю. Я о другом хочу потолковать. Помощь мне твоя нужна. Василий сегодня в деревню заявился. Откинулся, как говорится.

– Что, уже десять лет прошло? Быстро, однако, – покачал головой Дмитрий.

– Это для нас с тобой быстро время пролетело, – ответил на его слова старик. – А для Василия оно ох как долго тянулось. И похоже на то, что наши с вами догадки о причине, по которой он принял на себя убийство Ксюши, начинают сбываться.

– Да вы что? Seriously?

– Еще как серьезно. Васька сегодня ко мне сам утром подошел на улице и начал хвастать, что скоро свое дело откроет и вообще заживет как король. А скажи мне, на какие шиши он жить шикарно собрался? Вот то-то и оно. А узнает он, что обманули его? Как думаешь, что делать будет?

– Дела... Вляпался Васька, и сам не ведает, во что вляпался, – покачал головой Дмитрий. – Жалко дурака.

– То-то что жалко. Вот и Лидия сегодня ко мне забежала по этому поводу. Увидела, я так думаю, в окошко, как мы с ним беседуем, и прибежала. Что делать, спрашивает. А я и придумать пока ничего не могу.

– Надо бы Ваську к Татьяне хотя бы на время отправить, чтобы меньше ходил по деревне да языком, как боталом, звонил, – заметил сосед.

– Да Василий и сам решил к сестре ехать, – ответил Пимен Иванович. – Только и в Нахабино есть люди, которые к этой старой истории отношение имеют. Сам знаешь, что есть такие. Враз кому следует донесут, что Василий вернулся и какие речи ведет. Нет. В Нахабино ему оставаться тоже не вариант. Ну да это дело второе... – Бывший прокурор большого города замолчал, задумавшись.

– А первое – что? – не дождавшись продолжения, заговорил Дмитрий.

– Первое... Позвонить мне надо. Но только так, чтобы Лидия, да и вообще никто об этом звонке знать не знал. Понятно?

– Понятно, – кивнул сосед. – Секретный звонок старому другу. Так?

– Так-то так. Звонок, правда, не совсем другу, но – секретный. Это – точно. Ну так что? Ты – могила?

– Иваныч, ты же меня знаешь. Я по своей профессии знаешь сколько таких вот тайн в себе ношу...

– Ладно, не оправдывайся, – прервал его Пимен Иванович. – Я и так тебя хорошо не один год уже знаю. Иначе и не стал бы просить. Вот, возьми эту книжку записную и найди в ней телефон Игоря Штукатурова.

– Это того самого, что дело вел?

– Ага. Вел, да не довел, – усмехнулся старик. – Телефон найдешь и на моем телефоне номер наберешь. Добро?

– Добро, – добродушно и с готовностью отозвался Дмитрий.

Номер он нашел быстро, а вот дозвониться до Штукатурова не получилось.

– Абонент вне доступа сети, – послушав сказанное после сигнала вызова, с сожалением в голосе констатировал Пимен Иванович. – Такие, значит, дела... А я-то, пень старый, надеялся, что после стольких лет человек мне ответит. Последний раз мы с ним созванивались, когда моя старуха еще жива была – лет семь или восемь назад.

Дмитрий присвистнул и сказал:

– Мало ли за это время что могло произойти. Человек номер мог сменить или даже поменять...

– Мог и помереть, – согласился Пимен Иванович. – Он еще в то время на здоровье жаловался. Сердце у него барахлило.

– Вот-вот, я и говорю... – не зная, что еще сказать, заметил Дмитрий. – И что теперь делать будешь, Иваныч?

– Не знаю. Подумать надо.

– Слушай, а может, нам письмо в прокуратуру написать? Вот, мол, такие и такие дела, человек напраслину на себя возвел одиннадцать лет назад, оговорил себя, а теперь ему опасность угрожает и даже убить могут, чтобы правда не всплыла, – предложил идею Дмитрий. – Я так думаю, что многие согласятся то письмо подписать, если мы его напишем.

- В какую прокуратуру, Митя? – усмехнулся Пимен Иванович. – В прокуратуру Красногорского округа? Не получится. Там сейчас знаешь кто на месте главного прокурора?
- Знаю, – хмуро ответил сосед.
- Вот то-то и оно. Но идея неплохая. Надо подумать. Надо бы в Москву послать запрос... А еще лучше – депутатский. Депутату – каждый обязан ответить. Так полагается по закону.

Глава 2

Пока бывший прокурор большого города и его сосед решали судьбу Василия Скачкова, сам Василий о своей дальнейшей судьбе ничуть не беспокоился. Он свято верил, что не зря отсидел свои десять лет, и знал, за кого и за что он их отсидел. Теперь же он витал в розовых облаках своих грез и строил планы на дальнейшую свою, как он думал, безбедную жизнь. Именно эти надежды и грезы позволили ему вытерпеть все тяготы и унижения тюремной жизни. Именно эта надежда на будущие блага и благополучие в дальнейшем являлись стимулом для Василия Скачкова. Как и все добрые и недалекие умом люди, он был доверчив и непререкаемо верил в справедливость и в благодарность за свой поступок. Шутка ли – взять на себя убийство другого и тем самым запятнать свое имя перед людьми? За это, по мнению Василия, полагалась немалая плата, и он был уверен, что получит ее.

Надо сказать, что далеко не сразу Василий согласился на такую сделку. Нет, не сразу. И причин на то у него было немало. Одной из таких причин была сама убитая девушка. Ксению Щеглову – свою соседку и одноклассницу – Васька любил с восьмого класса. Правда, не только он неровно дышал к самой красивой девушке в Желябино, но и многие другие пацаны, так и что с того?

Ксения знала цену своей красоте и никому не отдавала предпочтения. Заносчивой она не была, со всеми вела себя одинаково сдержанно и дружить ни с кем из местных парней не дружила. Не только сверстникам, но и тем, кто был старше ее и добивался ее благосклонности, Ксения отказывала во взаимности и на свидания ни с кем не ходила. Видимо, ждала своего принца на белом коне. А после окончания школы и вовсе уехала учиться в Красногорск, приезжая к родителям только по выходным и на каникулах. Ходили слухи, что она нашла себе ухажера из самой Москвы и даже собирается за него выйти замуж по окончании учебы.

Второй причиной, по которой Василий не сразу согласился взять на себя убийство Ксении, была его мать. Веру Петровну Скачкову, которая была фельдшером в местной сельской амбулатории, уважали все жители в Желябино. Она всем местным старикам и старушкам, да и остальным жителям, тоже была как мать родная и благодетельница. Она и уколы какие надо поставит, и добрым словом утешит, и совет даст. Все Васькины друзья и одноклассники со всеми своими ранами и ссадинами, а потом, когда выросли, и с семейными проблемами ходили к Вере Петровне за советом и консультацией. И никогда никому она не отказывала. За то и уважение огромное от народа имела.

Из уважения к Вере Петровне и Ваську никто из его сверстников и старших пацанов шибко не шпынял. Хотя и поводов он давал для этого не один и не два. Непутевый он какой-то рос. Не хулиган и не тихоня, но такой уж был хвостун и выдумщик, что даже взрослые иной раз диву давались – как он красиво умел завирать. Учился Васька кое-как, перебиваясь с двоек на тройки. Частенько с уроков сбегал, а то и вовсе до школы не доходил. Не интересна ему была учеба. Все в каких-то своих мечтах и фантазиях пребывал. Дружбы особой ни с кем не водил. Был у него один друг – Виталик Долгов, младший брат Мити, да и тот после школы уехал в Москву учиться, и на том вся их дружба закончилась.

Были у Василия и другие причины не соглашаться на признание себя убийцей. Но остальные причины не были столь весомы, как первые две, а потому чаша весов вскоре перевесилась на ту сторону, на которую было положено будущее Васькино благополучие в виде несметных богатств, обещанных ему за десятилетние страдания. Василий не был эгоистом и к деньгам особого пристрастия не имел. Но он, как и все добрые, но недалекие умом люди, мечтал не столько о своем благополучии, сколько о благополучии своих близких и благополучии всех, кого он искренне любил. Вот только как добиться этого благополучия для них, он не знал. А потому все время пребывал в своих неземных фантазиях и выдумывал самые разные, совер-

шенно невыполнимые для его недалекого ума и небольших способностей прожекты. Потому и считался Василий Скачков в Желябино простаком и фантазером.

– Ему бы книги писать. Вон как заковыристо выдумывает, – говаривали одни.

– Куда ему книги писать. Он и слова без ошибки написать не умеет, – возражали другие.

Так и оставался Василий не при делах, тогда как многие его сверстники уже определились и с профессией, и с личной жизнью.

Видя такую несправедливость жизни, Василий пристрастился к выпивке, чем весьма огорчал своих родителей. Отец пристроил сына разнорабочим на стройку в Нахабино, на которой он был прорабом. Но и там не всегда мог уследить за сыном. Василий умудрялся такого напелсти родителю, и притом так убедительно, что тот невольно начинал ему верить. Васька же, пользуясь этим доверием, сбегал с работы, пропадал где-то по несколько дней, и находил его отец всегда в невменяемом состоянии.

Вот и теперь, вернувшись после отбытого им за чужое убийство срока в родную деревню, Василий первым делом, войдя в отчий дом, решил выпить за упокой своих родителей и за убиенную Ксению Щеглову, а заодно и за здоровье своей сестры Татьяны, которая не оставляла непутевого братца все эти годы и как могла помогала ему и посылками, и письмами с добрым словом. Не то чтобы Василию очень уж хотелось выпить – за десять лет он отвык от крепких напитков. Разве что, как и все зэки, привык к чифирю, который заменял ему водку. Теперь же, когда он вышел на свободу, ему просто полагалось выпить чего-нибудь более достойного, чем чифирь.

Василий открыл свою спортивную сумку, в которой у него вперемешку со старой гражданской одеждой лежали продукты, купленные им еще в Красноярске себе в дорогу, и, запустив в нее руку, вынул непечатую поллитровку. Осмотрев бутылку со всех сторон, Скачков недовольно поцокал языком и проговорил вслух:

– Пока и эта бурда сойдет. Но ничего, скоро я на побережье в Турции буду пить коньяк и закусывать его лимоном с лобстерами. Денег должно хватить и на отдых, и на дело. Танюхе от щедрой руки отвалю миллиончик. И Щегловым – тоже один, – мечтательно произнес он и, улыбнувшись, оглянулся. – Где тут у нас рюмашечки? Не из горла же мне глотать. Как-то неприлично будущему миллионеру – и из горла.

Стопарик он нашел в запыленном и давно не мытом серванте в комнате, которая у Скачковых когда-то считалась гостиной. Вода в водопроводе была. Татьяна, зная, что брат скоро вернется, оплатила все коммунальные услуги. Смахнув пыль со стола и табурета старым полотенцем, Василий достал из сумки съестное. Открыл банку шпрот, нарезал хлеба, огурцов и приготовил себе нехитрый бутерброд. Налил в стопку водки. Не садясь, взял в руки бутерброд и стопку, вдохнул, выдохнул, как и полагалось сделать перед первым глотком, и произнес небольшую речь:

– Ну, слава богу, я дома, и все налаживается. Приготовь, Господи, царствие твое для родителей моих – Веры и Андрея, а также рабе божией убиенной Ксении Щегловой. Пускай покоятся они с миром и не переживают за меня. Передай им, что все у меня будет отлично.

Он выпил залпом содержимое стопки и с непривычки закашлялся. Водка оказалась крепче, чем он думал, и обожгла ему горло. Выпучив глаза, быстро откусил сразу половину бутерброда, прожевал и только тогда выдохнул.

– Хорошо пошла, – соврал он сам себе.

Он поставил стопку на стол и с сомнением уставился на бутылку, размышляя, не налить ли еще или подождать реакции организма уже на выпитое. Решил налить. Но сразу пить не стал, а сел за стол и задумался. Думы у Василия были сладкими и приятными, мечтательными. Он не раз, еще будучи в тюрьме, представлял себя то лежащим в шезлонге на берегу моря, то в салоне шикарного авто с личным шофером, разъезжающим по Желябино и Нахабино, то в мягком кресле своего личного кабинета... Но теперь, когда он был на свободе и до его

мечтаний оставалось всего ничего – каких-то несколько километров, эти мечтания казались ему особо сладкими и желанными.

Подперев подбородок ладонью, он, по давней своей привычке, стал говорить сам с собой, при этом вслух продолжая ту мысль, которая ранее пришла ему в голову:

– Вот кто после того, как я в дорогом пиджаке и при галстукке на новом «Мерседесе» въеду в Желябино... то есть кто после этого посмеет назвать меня простачком и фантазером? Никто. Продам дом, куплю себе квартиру в Красногорске, куплю складские помещения и буду сдавать их в аренду. Чем не прибыльное дело? Может быть, даже женюсь. Да нет, не может, а женюсь. Хотя бы на подруге Татьяниной – на Валентине. Ничего, что она старше меня на восемь лет. Не в возрасте дело. У нее свой бизнес имеется. Парикмахерский салон в Нахабино. Так его и продать можно. Объединим, так сказать, капиталы...

– Ты с кем это разговариваешь?

Монолог Василия прервал вошедший в дом человек. Повернувшись на голос, Скачков широко улыбнулся и встал навстречу вошедшему.

– Тю, кого я вижу? – развел он руки. – Виталик Долгов собственной персоной! Давно мы с тобой не виделись. – Василий обошел вокруг своего школьного друга, осматривая его, и одобрительно кивнул, протягивая руку для рукопожатия. – Красавчик. Говорят, совсем москвичом заделался.

Виталий сдержанно пожал протянутую ему руку и ответил без тени улыбки, но и без бахвальства:

– Да вроде того. Женился на москвичке и сам там осел. Иногда к брату заезжаю погостить. Узнал, что ты приехал, и решил зайти.

– Что, Иваныч уже всем соседям растрезвонил, что я откинулся? Деревенский телефон исправно триндит, да?

– Да нет, я не от Иваныча узнал, – ответил Виталий. – Митя к нему недавно ушел узнать, как он там жив-здоров, но домой не звонил и ничего никому не говорил. Пару минут назад мне Ленка Щеглова позвонила и новость о тебе рассказала. Говорит, что ее мать тебя в окно увидала.

– Понятно, – несколько сник Скачков, но тут же улыбнулся снова и спросил: – Ленка-пигалица небось уже в невестах ходит?

– Ну не в невестах пока, но такая же красивая, как и Ксюха, выросла. От кавалеров отбою не знает, – усмехнулся и Виталий и в свою очередь спросил: – Что думаешь делать? Останешься или куда пойдешь?

– А тебе-то что с того? – Внезапно взгляд Василия сделался недоверчивым, но тут же снова потеплел. – Ты заходи, выпьем с тобой за нашу встречу, – приглашающим жестом руки он обвел комнату. – Правда, у меня тут пыльно. Наверно, давно никто не убирал. Но стол чистый. Не побрезгуй со старым другом посидеть. Не разувайся, пол все одно грязный.

Виталий кивнул и, шагнув в комнату от порога, сказал, осматриваясь:

– Все как и раньше. Ничего не изменилось с тех пор, как твои родители тут жили.

– Так некому было тут свои порядки наводить. Вот и перемен нет, – ответил Василий. – Татьяна мне писала, что только три года под дачу дом держала, а потом не до него стало, а продавать без меня не хотела. Теперь вот, наверное, продадим. На кой она мне, эта изба? Я скоро себе квартиру в Красногорске куплю. Трехкомнатную, не меньше!

– Фью, – присвистнул Виталий, сядя на табурет. – С каких таких барышей ты ее купишь? Квартиры сейчас в Подмоскovie знаешь какие дорогие! Даже если дом выгодно продашь, то только на однушку и хватит. А ты на трехкомнатную квартиру размахнулся.

– Да вот, – рассмеялся Василий, – есть у меня заначка, понимаешь ли. Зря я, что ли, десять лет в тюрьме да в зоне чалился? Нет, брат, не зря. Пей, – подвинул он уже полный стопарик другу.

– Один не буду, – покачал головой тот.

– Ладно, я сейчас второй принесу, – засуетился Скачков и ушел. Вернулся со стаканом. – Только большой нашел. Куда Татьяна все прибрала – не знаю. Ну да потом разберусь, что и где лежит. – Он налил и себе, но немного. Пить не хотелось, но перед Виталиком было неловко признаваться, что его от водки тошнит с непривычки. – Давай, за встречу, – поднял он стакан.

Вторая пошла уже лучше. И тошнота стала проходить. Хмель ударил в голову. Василий еще больше повеселел, и ему вдруг захотелось поделиться с бывшим другом своей радостью.

– Слушай, что хочу тебе сказать... – начал было говорить он, наклонившись близко к Виталику, но вдруг осекся.

Подумал, что, может, пока и не стоит говорить ничего, а лучше сюрприз всем в Желябино сделать, приехав в пиджаке и на «Мерседесе». Так, чтобы слухи по деревне пошли о том, какой все-таки Василий Скачков молодец, а никакой не простачок и фантазер.

– Ты чего замолчал? – покосился на его задумчиво-отрешенную улыбку Виталий.

– Да так просто. Передумал я говорить. Секрет это пока. Понял? Секрет. Одно только скажу, что скоро никто Ваську Скачкова не узнает. Так-то.

– Ну не хочешь говорить, так и не говори, – ответил на его слова Виталий. – Только вот скажи, что ты затеял? Может, и я тебе чем-то помочь смогу? Может, тебе на первое время денег надо? На ноги там встать, пока работу ищешь. Так я займу. А то и так дам.

– Благодетель, да? – внезапно разозлился Василий. – «Так дам», – передразнил он Виталия. – А где ты, друг мой, был, когда мне дело шили? – усмехнулся он. – Нет уж. Не надо мне твоих паршивых денег. Я тебе, если хочешь, и сам могу дать. Не займы, а так. Хочешь? Сколько надо?

– Ты чего? – Виталий встал и удивленно посмотрел на Скачкова. – Крышу снесло? Я ведь от всей души и по старой дружбе предложил. А не надо, так просто и скажи. Чего взъерепенился?

Отодвинув табурет, Виталий направился к выходу.

– Стой, – бросился к нему Скачков и, взяв за рукав, развернул Виталия к себе лицом и стал пристально всматриваться в глаза. – погоди, Виталька, не уходи. – Голос Василия потеплел, в нем проскользнули нотки стыда. – Не уходи. Извини меня, дурака. Это все зона, понимаешь? Она из людей нелюдей делает. Ты просто не знаешь, что мне пришлось там пережить. Не знаешь, и не надо. Я и рассказывать не буду, – заговорил он быстро и горячо, дыша водочным запахом прямо в лицо Виталию. – Пойдем, я тебе расскажу что-то. Не хотел сначала. Хотел сюрприз всем сделать. А тебе скажу. Не уходи.

Виталий стоял хмурый и не знал – уйти ему или остаться. Он, конечно, обиделся на слова друга, но понимал, что уйдя он сейчас и оставь его одного, то неизвестно, как все еще обернется. Виталий от брата знал то, о чем подозревали и шепотом поговаривали многие в Желябино – Васька Скачков сел в тюрьму за убийство, которого он не совершал. Сел потому, что на него это убийство повесили. Поговаривали, что тут все было куда как интереснее и закончее. Сам бы Васька с повинной в полицию не пошел, если бы на него не надавили и не пообещали ему за это заплатить. Хорошо заплатить, щедро. Просто сказочно заплатить. Но слухи слухами. Теперь же, после слов Василия, Виталий и сам стал подозревать, что люди не просто так языками чешут. Значит, было что-то, значит, все слухи вполне могли оказаться не людской болтовней, а правдой.

– Хорошо, я не уйду, – сказал он и, решительно подойдя к табурету, сел. Посмотрел снизу вверх на все еще стоявшего у дверей друга. – Но ты мне сейчас, Васька, все как на духу расскажешь. Ты понял?

Скачков кивнул.

– Тогда отвечай, – настойчиво произнес Виталий. – Сколько тебе Карпухин-старший денег обещал, если ты за его сыночка за убийство Ксюшки отсидишь?

Его вопрос так удивил Василия, что он даже не сразу смог ответить на него.

– Интересные дела, – наконец произнес он. – И откуда же у тебя такие сведения? Я имею в виду, с чего ты взял, что Карпухин мне какие-то деньги обещал?

– Васька, ты точно дурак или прикидываешься? – рассердился Виталий. – Ты что же, думаешь, у нас в Желябино все думают, что это ты убил Ксению?

– А что тут думать и рассуждать? Я ведь сам признался и явку с повинной написал, – растерявшись от такого сообщения, ответил Скачков.

– Точно дурак, – покачал головой Виталик. – Да никто не верит, что это ты. А то, что ты там написал, так это все туфта. Все в деревне знают, чьих это рук дело. То есть кто на самом деле погубил девчонку... Знают, но тогда, десять лет назад, никто об этом вслух сказать не мог. Все карпухинского суда боялись больше, чем суда уголовного. Меня в то время, когда вся эта заваруха была, в деревне не было. Как ты знаешь, я в Москве тогда учился. Ну и к свадьбе готовился. Но мне потом и брат, и сама Лидия Максимовна говорили, что не ты Ксюху убил, а Генрих. Видели люди, как она к нему в машину садилась, и после этого исчезла. Несколько дней ее искали. А потом ты появился в полицию и признался в убийстве.

– Это я без тебя знаю, – мрачно прервал его Василий. – Только вот теперь об этом говорить поздно. Отсидел я уже и за себя, и за Генриха. Понял? Чего теперь об этом говорить-то? Теперь надо говорить об искуплении. И о моей награде. А она, моя награда, теперь меня дожидается в одном месте. Вот заберу я эти деньги, и всем будет хорошо. И Щегловым я дам, и Татьяне уделю, и мне еще останется. А хочешь, так и тебе дам? Там – много...

Василий перестал хмуриться и улыбнулся, представив себе, как он раздаст кучу денег всем, кто ему дорог и перед кем он чувствовал себя виноватым. Виталий помолчал, размышляя над словами друга, а потом сказал, сочувственно вздохнув:

– Наивный ты, Васька, человек. Добрый, но наивный. Жизнь тебя даже в тюрьме ничему не научила. Не верю я, что такие, как Карпухины, так просто с большими деньгами расстанутся. Вот хоть режь меня на мелкие кусочки – ни на грамм не верю. Надули они тебя.

– Ну уж нет! Не думаю я, что надули! – уверенно заявил Василий. – За такие дела, знаешь ли... На зоне за такое сразу бы на лисичку посадили. И маму не успел бы позвать.

– Ты свои лагерные законы забудь, – серьезно ответил ему Виталий. – Тут, на свободе, у таких, как Карпухины, свои законы. А то ты сам не знаешь, кем был в Желябино Иван Кириллович. Кем был и кем потом стал. Татьяна, наверное, писала тебе о местных новостях?

– Писала, знаю, – кивнул Василий. – Потому и не думаю, что обманул он меня. Он мужик с железным словом был. Сказал – сделал.

– Он-то, может, и не обманул бы, – усмехнулся Виталий. – Только вот он умер года три назад, а его империю Генрих унаследовал. Думаешь, что он такой же честный, как и его папаша? Да фиг там. По слухам, он сейчас в Москве бизнес свой развивает. Отцовский приумножил, и чтобы дальше развиваться, связи не только с властью имущими наладил, но и с ворами в законе дружбу водит. Такой за копейку горло любому порвет, а не то чтобы несколько миллионов такому, извини, придурку, как ты, отвалить.

– Чего это я вдруг придурок-то? – окрылся Василий.

– А как еще назвать того, кто добровольно на себя взял убийство человека, выгородив тем самым настоящего преступника? За дурачка тебя, Васька, и тогда держали, и теперь будут. Не даст тебе Генрих денег.

– Так он, может, и не знал, что отец его мне их пообещал, – схватился Василий за единственную промелькнувшую в его голове мысль, как утопающий хватается за соломинку.

– Может, и не знал, – не стал разочаровывать его Виталий. – Только давай мы с тобой сделаем так. Пойдем вместе и посмотрим, лежат ли эти деньги в том самом месте, где тебе их обещали оставить, или не лежат. Или как вы там с Карпухиным договаривались?

– Да вроде бы так и договаривались, – нехотя ответил Василий. Он поморщился: ему не понравилось предложение Виталия, и он ответил: – Я и один управлюсь. Сам проверю. Не думаю я, что Карпухин-старший меня обманывать бы стал.

– Как хочешь, – пожал плечами Виталий. Он встал и пошел к дверям. – Пойду я, а то потеряют меня домашние. Я ведь не сказал, куда пошел.

– Ты долго думаешь у брата гостить?

– Послезавтра уже обратно. У меня отпуск заканчивается.

– Ага. Это хорошо. Так я зайду завтра к вам. Сегодня к Татьяне поеду да дела разные поделаю, а завтра загляну.

– Заходи, будем рады. Я тебя с женой и сынишкой познакомлю.

– Ждите с подарками, – весело подмигнул Виталию Скачков. – Разживусь деньгами – и к вам. Пир на весь мир устроим. Щегловых, Иваныча позовем. Еще кого-нибудь.

– Устроим, – покивал безо всякого энтузиазма Виталий. – Было бы чему радоваться.

Глава 3

Генриху Ивановичу Карпухину очень нравилось его имя. Для его слуха звучало оно по-королевски гордо. Королей Генрихов в свое время по Европе было хоть пруд пруди, а вот в России он один был такой. Правда, отчество и фамилия малость подкачали. Не созвучны были имени. Но Генрих не унывал. Мечтал сменить со временем свою фамилию на более звучную и весомую.

С детства Генрих привык жить по-королевски, благо отец его в лихие девяностые сумел под шумок отжать у государства несколько предприятий в соседнем Нахабино, что сделало его полновластным хозяином этого поселения. А заодно и примкнувшей к Нахабино деревеньки Желябино, жители которой в основном и работали на этих самых предприятиях. Сын у Ивана Кирилловича Карпухина был один. Жена умерла через несколько лет после родов, а другую жену он себе так и не выбрал. Может, по занятости своей, а может, из опасения, что вторая жена захочет со временем отжать у его единородного сыночка часть семейного бизнеса. Сам заниматься воспитанием сына он не мог, отдавая все свое время работе. Няnek и воспитательниц менял часто, чтобы Генрих ни к кому из них не имел привязанности. Но, чувствуя вину свою перед сыном за недостаток внимания, старался потворствовать его прихотям и баловал наследника, рассчитывая, что со временем оставит ему всю свою империю.

Ну а Генриху, конечно же, такая жизнь под крылом отца нравилась, как и та вседозволенность, которой он чуть ли не с младенчества пользовался. Правда, когда он подрос и встал вопрос о выборе профессии, его лень и испорченность дали о себе знать. Отец определил его в один из престижных экономических вузов в Москве, но учиться Генрих не хотел. Не сказать, что он был глуп и ему плохо давались науки, но его больше привлекали тусовки с такими же мажорами, как и он, девицы легкомысленного поведения, бары и ночные дискотеки, чем скучные лекции по ведению бизнеса и экономике. Поэтому он ничтоже сумняшеся прогуливал лекции, кое-как сдавал зачеты и экзамены, оценки за которые ему, впрочем, больше ставили после личного вмешательства друзей отца, чем за знания.

Такое отношение к учебе сына Ивана Кирилловича, конечно же, огорчало. Он пытался с сыночком беседовать, наставляя его тем самым на путь истинный, но получалось это у него не очень. Тогда, чтобы хоть как-то вразумить отбившегося от отеческих рук отпрыска, он перевел его на заочное обучение и поставил Генриха управляющим одного из своих предприятий. Надеялся таким образом занять его серьезным делом, а заодно на практике показать, как следует относиться к работе. Показать, что деньги просто так с неба не валятся и надо уметь их зарабатывать.

Поначалу Генрих и сам проникся к тому доверию, которое оказал ему отец, поставив на ответственную должность. Но энтузиазм, с которым он взялся осваивать бизнес отца, вскоре угас. Генриху стало скучно. Не потому, что он не понимал поставленных перед ним задач или у него не хватало ума вести дела на должном уровне. Совсем нет. По природе своей Генрих был и умен, и напорист, и сметлив. Он легко ладил с людьми и не был косноязычен. Что, собственно, и требовалось для хорошего управленца и лидера. Он даже самостоятельно заключил несколько весьма успешных и выгодных для предприятия сделок, чем немало порадовал отца. Но хватило Генриха на такой темп работы ненадолго.

Он снова начал встречаться с прежними своими друзьями, кататься по ночам по Нахабино на машине. Частенько, опять же по ночам, заезжал в Желябино, где у отца был большой коттедж с бассейном, и устраивал там оргии. Соседей, да и других жителей деревни, конечно же, такие визиты кронпринца на фазенду не радовали. Потому как, кроме громкой музыки и пьяных криков, разошедшиеся от спиртного и вседозволенности мажоры доставляли всем и другие неприятности.

Например, вошло у этой бездельной золотой молодежи в моду совершать ночные набеги на сады и огороды. И в набегах этих было не желание поживиться чем-нибудь, а больше напа-костить. Вырвут с грядок морковь или картошку и раскидают по всему участку. Или влезут на дерево и все яблоки посрывают и вниз покидают – без урожая хозяев оставят. Но это было только одно из многих других, не таких безобидных развлечений, которые они себе позволяли. И никакие угрозы со стороны местных жителей их не могли остановить. Не боялись они ника-ких угроз. Знали, что все их хулиганства и шалости останутся безнаказанными.

Несколько раз пытались люди обращаться к участковому или в местную полицию, но все без толку. Никто заявлений у них не принимал, а если и принимал, то рассматривать и всерьез привлекать к ответственности виновных не собирался.

И только после убийства Ксении Щегловой все эти безобразия внезапно прекратились. Причиной тому было вовсе не тот факт, что мажоры вдруг в одночасье сделались послуш-ными и перестали своевольничать в Желябино. Нет, конечно. Просто Генрих перестал появ-ляться в деревне, сменив географию своих ночных походов. И еще два года после этого до жителей деревни доходили слухи о безобразиях, творимых золотой молодежью в сосед-них селах. А после – все стихло окончательно. Люди говорили, что одного типа из компании Карпухина-младшего якобы все-таки посадили за что-то, а остальных родители усадили куда подальше – кого в Москву, кого в Питер...

А что же Генрих? Генрих тоже вдруг решил завязать со своим разгульным прошлым, жениться и заняться вместе с отцом бизнесом.

– Нагулялся, значит? – добродушно похлопав по плечу сына, спросил Иван Кириллович, когда Генрих сообщил ему о своем желании. – И что, невесту уже присмотрел себе?

– Присмотрел, – скромно сообщил Карпухин-младший.

– И кто же эта счастливица?

– Алина Мещерская. Дочка Александра Семеновича. Пойдешь ее за меня сватать?

– У-у-у, брат, ну ты и замахнулся! – рассмеялся Карпухин-старший. – Она по своей родо-словной старинной дворянской фамилии будет. Не пара тебе, деревне. Да и, насколько я помню, она не очень хороша собой. С чего вдруг такой к ней интерес?

– Сам ведь сказал, – усмехнулся Генрих. – Старинный дворянский род.

– Вот, значит, как? – покачал головой Иван Кириллович и погрозил сыну пальцем. – Если надумал фамилию сменить, так я добро на этот брак не дам. Имя Карпухиных хотя и не такое родовитое, как Мещерские, но мы-то с тобой покруче их будем. У Александра Семеновича всего-то и капитала, что его фамилия дворянская. А у нас – сам знаешь...

– Так и что с того, что я сменяю фамилию? – закинул удочку Генрих. – Разве плохо звучит – Генрих Мещерский? Уж наверняка получше, чем Генрих Карпухин.

– Сказал – нет, значит – нет, – нахмурился Иван Кириллович. – Если из-за одной только фамилии жениться надумал, то я против.

Зная нрав отца и что от своих слов он не отступится, Генрих решил схитрить. Отец, размышлял он, не вечно будет на этом свете жить, а там видно будет.

Так и получилось. Свадьбу сыграли, невеста оставила при себе свою фамилию, а жених – свою, чтобы не раздражать отца, в будущем надеясь сменить ее, как и задумывал изначально. Детей Генрих заводить не торопился по тому же поводу. Не хотел, чтобы его наследники носили недостойную, как он считал, фамилию.

С женой он ладил, хотя любить ее по-настоящему не любил, в отличие от нее самой, – а уж она-то в нем души не чаяла и прощала Генриху все его романы и интрижки. Единственное, о чем она сожалела, – это о том, что ее ненаглядный муж не позволяет ей родить ребенка, что было бы для нее большим утешением. И только после того, как Карпухин-старший умер, а Генрих тут же через месяц взял фамилию жены, он объявил супруге, что намерен обзавестись

наследником. Вот только намерения его так и остались намерениями: рожать Алине Александровне врачи по состоянию ее хрупкого здоровья и дурной генетики запретили.

Это обстоятельство поначалу ввергло Генриха в уныние, но затем до него дошло, что дело здесь не в нем, а всего лишь в супруге, и он начал подыскивать для себя новую кандидатуру на роль жены и подруги жизни, которая могла бы родить ему сына и наследника. Кандидатуру он подбирал тщательно и со вкусом настоящего эстета. Теперь, когда в его кармане лежал паспорт с новой и желанной для него фамилией, а бизнес развивался и расширялся как никогда успешно, он смело мог подумать и о разводе с Алиной.

Чем Генрих, собственно, и занимался, сидя в кресле в своем кабинете, закинув ноги на стол, когда раздался тот самый, судьбоносный для него звонок по сотовому. Номер был незнакомый, и поначалу Генрих не собирался отвечать, считая свои размышления о разводе куда как важнее какого-то там звонка от незнакомого ему абонента. Но телефон настойчиво, раз за разом, играл надоевший уже Генриху до самых печенок рингтон, так что рука невольно потянулась за сотовым и пальцы нажали на прием вызова.

– Карпухин, тьфу, Мещерский, слушает, – рявкнул он недовольно.

– Генрих Иванович? – нерешительно и словно бы осторожно поинтересовался незнакомый голос.

– Ну он. Кто это звонит?

– Это Потанин, участковый. То есть бывший участковый в Желябино. Помните такого?

– Из Желябино? – Генрих нахмурил брови, все еще не понимая, что от него хотят. – Нет, не помню.

– Неважно. – Голос на том конце покашлял и продолжил – уже чуть тише: – Вы должны знать – Васька Скачков вернулся из заключения.

Генрих, теперь уже Мещерский, нахмурился еще сильнее. Он пытался сообразить, кто такой этот Васька Скачков и почему он, Генрих, должен знать, что он вернулся из какого-то там заключения. Его собеседник, по всей видимости, по-своему понял его молчание и произнес:

– Могут быть проблемы. Будут какие-то распоряжения по этому поводу или...

– Что – или? – с раздражением прервал бывшего участкового Генрих. – Не помню я никакого Ваську Скачкова! И вообще – может, вы ошиблись телефоном и вам нужен другой Генрих Иванович?

– Нет-нет, – поспешил ответить собеседник, явно боясь, что Генрих прервет разговор. – Вы ведь Карпухина Ивана Кирилловича сынок? Правильно? – В голосе проскользнули нотки сомнения.

– Ну правильно, – вынужден был согласиться Генрих.

– Тогда я правильно звоню, – обрадовался Потанин. – Мне ваш номер дал Тимур Аркадьевич Болдин. Ваш управляющий.

– Ну и что? Дал-то зачем? Чтобы вы мне про какого-то Ваську доложили?

– Что значит – про какого-то? – собеседник явно опешил. – Васька Скачков. Тот самый, что в тюрьме сидел за убийство Ксении Щегловой.

Услышав имя Ксении, Генрих вздрогнул, и с него сразу же слетел весь запал самоуверенности и самодовольства. Он сразу же все вспомнил. Вспомнил и те самые ужасные в его жизни дни, вспомнил красавицу Ксюшу и Ваську тоже вспомнил. А также и то, что именно отец в свое время обещал этому Ваське. Он снял ноги со стола и, нервно поерзав в кресле, спросил:

– Давно?

– Дня три, как вернулся. В воскресенье, говорят, в Желябино его видели. Гоголем ходил. Языком трепал, что он скоро станет богачом и всех в Желябино благодетельствует. Но уже на следующий день видели его люди в Нахабино пьяным в стельку и ругающим на чем свет стоит вашего отца и вас заодно, Генрих Иванович...

– Ага. Что он там еще говорил?

Кровь прилила к лицу Генриха от злости, и пот проступил на лбу. Сердце застучало и запрыгало так, что готово было выпрыгнуть через горло. Он зажал телефон между ухом и плечом, достал из кармана пузырек и, высыпав на ладонь пару таблеток, закинул их в рот.

– Говорил о несправедливости, о подлости и коварстве. Говорил, что так просто этого дела не оставит и выведет всех, кто его незаконно за решетку посадил, на чистую воду, – стал перечислять Потанин. – Грозился добраться до вас и поговорить с вами как пацан с пацаном. Мол, ответите ему по всем законам зоны, потому как на свободе никакой справедливости, увы, нет. Это я дословно вам пересказал его слова, – добавил бывший участковый.

Он замолчал, ожидая реакции со стороны Генриха, но тот тоже молчал, не зная, что сказать. Наконец, выдал из себя:

– Спасибо, что позвонили и предупредили... Забыл ваше имя-отчество.

– Сергей Федорович, – подсказал Потанин.

– Да, правильно. Сергей Федорович. Я понял вас. Спасибо за звонок, – торопливо произнес Генрих и сразу же выключил телефон, не желая больше продолжать разговор.

Он не хотел сейчас ни с кем разговаривать. Ему надо было подумать и что-то решить. Решить, что ему делать с той информацией, которую он только что получил от бывшего участкового. Мысли о разводе можно отложить и на потом, когда он решит проблему с этим Васькой Скачковым. Но одному Генриху думать над разрешением этой задачи, неожиданно вставшей перед ним, не хотелось, а потому он позвонил некоему старому другу отца – человеку, незаменимому в решении таких вот сложных и непредвиденных проблем.

– Борис Игнатьевич, это Генрих Карпухин вас беспокоит. Мне нужно срочно повидаться с вами. Когда и где мы можем встретиться?

Генрих решил назваться своей старой фамилией, зная, что тем самым расположит к себе Коншина (такой была фамилия человека, которому он сейчас звонил), который был с его отцом – покойным Иваном Кирилловичем – в большой дружбе с самой их юности.

– Ах, Генрих, мальчик мой, – обрадовался Коншин звонку. – Наконец-то я услышал твой голос. Совсем ты позабыл старика. Уже целый год о тебе ни слуху ни духу. Нехорошо, мой мальчик, нехорошо. Ты ведь мне как сын родной.

– Виноват, Борис Игнатьевич, виноват, – с деланным сожалением ответил ему Генрих. – Исправлюсь. А чтобы загладить свою вину хотя бы частично, разрешите пригласить вас с супругой в воскресенье на ужин в «Манул».

– Ах, хитрец, – рассмеялся Коншин. – Знаешь мою слабость к их кухне и специально выбрал этот ресторан! Так ведь?

– Знаю, Борис Игнатьевич, знаю, – с натугой рассмеялся в ответ Генрих. – Вы уж не откажите мне.

– Не откажу, – согласился на ужин Коншин. – Тем более что давно уже из своей берлоги никуда на люди не выбирался. А насчет твоей просьбы поговорить... Можешь приезжать хоть сейчас. Всегда рад тебя видеть. Да и Люба моя о тебе не так давно спрашивала. Тоже рада будет тебя повидать. Не забыл еще, где живу? – снова рассмеялся он.

– Не забыл. Через час подъеду, – заторопился Генрих. – Еду уже.

Он отсоединился и застыл, уставившись в одну точку и размышляя, как ему лучше поступить – поехать самому за рулем или с водителем. Решил, что будет лучше, если он поедет к Коншину сам, и притом на своей машине, а не на служебной. Так меньше людей будет знать, что он ездил к одному из самых влиятельных в Москве воров в законе – Сарацину.

* * *

Выслушав Генриха, Борис Игнатьевич неторопливо снял очки, почесал пальцем переносицу и насмешливо сказал:

– Не понимаю, отчего ты так переживаешь из-за такой ерунды. Ну вернулся этот Васька Скачков с зоны, ну чешет языком направо и налево. Тебе-то что с того?

– Да как – что с того?! – возбужденно воскликнул Генрих. – А если он вздумает идти в полицию и заявит там, что сидел все эти десять лет зря и никакого преступления он не совершал? Что, если вздумают это дело пересматривать?! Что со мной тогда будет? В конце концов, моя репутация...

– Эк ты переполошился, – насмешливо глядя на Карпухина-Мещерского, прервал его Коншин. – Если ты так переживаешь, отдай те деньги, что твой отец ему обещал, и живи себе дальше как ни в чем не бывало. Подумаешь – проблема!

– Как это – отдай деньги? – непонимающе посмотрел на Бориса Игнатьевича Генрих. – У меня свободных денег нет. Все в деле. Все в ценных бумагах и в разные проекты вложены. Да если бы и были деньги – то за каким... – Генрих неприлично выругался, – я ему эти деньги отдавать должен? Я их заработал вот этой вот головой и вот этими вот руками, – постучал он себя пальцем по уже лысеющей макушке и выставил вперед руки, покрутив ими у самого лица Коншина.

– Да ты не кипятись, – усмехнулся Борис Игнатьевич и встал с кресла, на котором сидел. – Деньги твой отец, положим, зарабатывал, а не ты. Тебе наследство от него хорошее досталось. А то, что ты его с умом используешь, то это тебе в плюс. Я так думаю...

Коншин замолчал, набивая красивую резную и весьма дорогую трубку табаком. Генрих хотя и молчал, дожидаясь продолжения, но было видно, что он нервничает.

– Не хочешь ты отдавать деньги этому лоху, что согласился на сделку с твоим отцом, так и не отдавай, – раскуривая трубочку, продолжил Борис Игнатьевич. – Не ты ему деньги обещал, не тебе и расплачиваться. А если будет требовать, так и скажи, что я, мол, ничего знать не знаю и ведать не ведаю. И тебя вообще в первый раз вижу. А насчет того, что пойдет этот Васька в полицию, – не беспокойся. Не пойдет. С повинной он сам пришел? Сам. Где тело лежит, показал? Показал. Куда нож закинул – тоже рассказал добровольно. Дело закрыли в связи с его раскрытием. Правильно говорю?

– Правильно, наверное, – не очень уверенно ответил Генрих. – Меня тогда отец подальше от Красногорска отправил. Я и не знаю, как там все обстояло. Я тогда сильно испугался. Старлся не думать обо всем этом.

Коншин посмотрел на Генриха пристальным и немного насмешливым взглядом, кивнул и сел в кресло напротив Генриха.

– Отец твой со мной много советовался в те дни по этому поводу. Это я ему подсказал тебя подальше отправить, чтобы ты глупостей с перепугу не наделал, – сказал он. – Я тогда и с кем надо переговорил, и абиссинский налог мы с Иваном кому следует заплатили...

– Какой еще налог? – непонимающе посмотрел на Коншина Генрих.

Тот рассмеялся.

– Хороший налог, большие деньги...

– Ах, так вы взятку имеете в виду, – дошло до Генриха.

– Ее, родную, – усмехнулся Борис Игнатьевич, попыхивая трубкой. – Те люди, которые тогда расследование проводили и суд судили, сейчас хорошие должности имеют и о том старом деле наверняка уже давно забыли. Ну а если и помнят, то о нем не беспокоятся. Дело-то давненько в архив сдано. Так что ты, сынок, не печалься и ступай себе подобию-поздорову, – рассмеялся Коншин.

– А если... – начал было снова волноваться Генрих, но Борис Игнатьевич его жестко прервал:

– Нет, дружок, никакого «если». Это «если» пускай будет только у тебя в голове. Ты понял? Не будешь высовываться и суетиться – все обойдется, и никто ничего доказать, если

даже сильно захочет, не сможет. А если Васька этот и доберется до тебя, то последуй моему совету – скажи ему, что ничего не знаешь и вообще не при делах.

– А может, все-таки подстраховаться и убрать его, чтобы я вообще никогда его не видел? – с надеждой глядя на друга отца, спросил Генрих.

– Зачем? – усмехнулся Коншин. – Наивный ты, Генрих, как я погляжу. Ну устраним мы твоего болтуна Ваську. Родственники поднимут гам, начнется расследование. А оно тебе надо? Мало ли как все обернется... Живи ты себе и дальше спокойно. Все образуется. А теперь пойдем к Любушке. Она давно уже нас с тобой ждет чай пить.

Через полчаса, выйдя от Коншина, Генрих все еще пребывал в досаде на Бориса Игнатьевича. Он-то думал, что друг отца легко и играючи решит его проблему, но вышло не так, как ему бы хотелось. По сути, как то представлялось Генриху, Коншин устранился от помощи. Те советы, которые он ему дал, Генрих считал дурацкими и ничего не значащими. Подойдя к своей машине, он с досадой пнул ее по колесу и громко хлопнул дверцей, когда садился за руль.

– Зря только время потерял, – проворчал он. – Сарацин совсем старый стал. Видать, его свои списали со счетов, и он теперь ничего не решает. Вот и надавал мне кучу глупых советов вместо того, чтобы просто позвонить кому надо и заставить этого Ваську Скачкова замолчать навсегда.

Генрих завел машину, но трогаться с места не торопился. Сидел, барабанил пальцами по рулю и раздумывал, что ему дальше делать. Наконец принял решение и сказал сам себе:

– Ладно. Коль оно так – обойдемся своими силами. Есть у меня на примете еще один человек. Уж он-то не откажет мне в просьбе. Особенно если за нее я еще и хорошо ему заплачу. Надо мне только разыскать его. Ну да это не проблема.

Успокоив себя таким образом, Генрих отправился снова в Москву. Из окна большого трехэтажного коттеджа на отъезжающий автомобиль смотрел Борис Игнатьевич. Во рту у него была трубка, а взгляд, которым он провожал машину сына своего умершего друга, был грустным и, можно даже сказать, скорбным.

Глава 4

– А, Виктор Викторович! Проходи, проходи. Каким ветром к нам занесло? Случилось чего, что лично решил пожаловать? – закидал вопросами главный прокурор Московской области депутата областной думы Асташова.

– Да вот, решил к вам, уважаемый Дмитрий Михайлович, заглянуть, – ответил вошедший в кабинет Серова депутат. – Хотел сначала вам просто свой депутатский запрос послать, а потом подумал, что с таким деликатным вопросом стоит и самому наведаться, чтобы, если вдруг что-то неясно будет, то тут же на месте и все разъяснить.

– Ну это дело такое, – развел руками Серов. – Ясно, не ясно, а нам со всяким запросом, а особенно депутатским, разбираться надо обязательно. Работа у нас такая. Да ты входи, не стой на пороге, – пригласил он посетителя, указывая на место, куда тому сесть. – Времени у меня не так много, поэтому давай сразу к делу.

– А дело у меня не очень обычное, – ответил Виктор Викторович, усаживаясь и открывая принесенную с собой папку. Он вынул из нее два листа, скрепленные между собой, и протянул их Серову. – Можешь сейчас прочесть, а можешь позже, – сказал он. – Как тебе будет удобнее.

– Что это? – прокурор, принимая из рук депутата листы, посмотрел на него внимательным взглядом.

– Это коллективное письмо от жителей населенного пункта моего округа – деревни Желябино. Ну и частично от жителей Нахабино. Этот поселок тоже входит в мои владения. Дело, о котором говорится в письме, – старое, десятилетней давности. А если точнее, то одиннадцатилетней. Сам понимаешь, люди на одном месте не сидят. Вот и получается, что часть подписантов – из деревни, а часть – из поселка.

– Хм. Интересно, интересно, – приподнял густые брови Серов и, нацепив на нос очки, углубился в чтение письма. Минут пять в кабинете стояла тишина. Затем прокурор, сняв очки и не поднимая глаз на депутата Асташова, произнес, задумчиво хмурия брови: – М-да, дела...

– Дела, – согласился в тон ему Виктор Викторович. – В Желябино меня пригласил приехать Пимен Иванович Матюшин. Это весьма уважаемый и в свое время даже знаменитый прокурор города Челябинска. Может, слышал о нем?

– Матюшин? Как не слышать? Слышал. Его статьи и наработки в свое время я в академии читал студентам. Так он что, жив еще? Это сколько же ему сейчас лет?

– В этом году восемьдесят девять исполнится, – ответил Асташов. – Старик здоровьем крепкий, и если бы не его слепота, то мог бы и сам до тебя доехать. Чем он мне и грозился, если ты вдруг не захочешь принять это письмо к рассмотрению, – улыбнулся Виктор Викторович.

– Не захочешь тут, – покачал головой Серов и постучал дужками очков по листам, лежавшим перед ним. – Если все, что тут написано, правда...

– Я так думаю, что правда, – поспешил вставить Асташов. – Старику Матюшину я доверяю. Он, как старый и опытный в уголовных делах человек, не стал бы наводить тень на плетень, если бы не был уверен в правдивости всего, что в этом письме написано.

– Я так понял, что ты разговаривал с ним лично, – акцентировал главный прокурор Подмосковья.

– Лично, лично. И с ним, и с матерью убитой девушки. Она тоже не верит в то, что этот Василий Скачков убил ее дочь. Все, кто это письмо подписал, – кивнул депутат на листки, – уверены в том, что Скачков взял на себя чужое преступление.

– А подробностей ты не знаешь...

– Да какие там подробности, – махнул рукой Асташов. – Столько лет прошло. Человек уже и срок отсидел, и вернуться успел. Знаю только то, в чем многие в Желябино уверены, – обещали этому Скачкову денег за то, что он все на себя возьмет, а потом, видимо, обманули.

– А отчего же тогда все, если уж они такие уверенные в его невинности, молчали? И тогда, когда его судили, и после? Отчего никто не встал на его защиту? Отчего не указали на этого, как его там... – Прокурор нашел в письме нужную фамилию. – Не указали на Генриха Карпухина? – задался естественными в таком случае вопросами Серов.

– Точно такие же вопросы и я задал Матюшину, да и остальным желябинцам, с которыми беседовал на эту тему. Причин, как мне объяснили, на то, чтобы молчать, было несколько, – вздохнул Асташов. – Во-первых, все, кто на тот момент проживал в Желябино, работали в Нахабино и Красногорске на производствах, принадлежавших в то время Карпухину-старшему. И эти предприятия были единственными на то время, где люди могли хоть как-то зарабатывать. В самой деревне и сейчас работы нет. А пойдешь ты в суд свидетельствовать против сына Карпухина, то наверняка лишишься бы заработка. А во-вторых, все в деревне прекрасно тогда знали, что и местный участковый, и полиция в Нахабино, да и в самом Красногорске, кормились из рук самого Карпухина, который водил дружбу с каким-то там то ли криминальным авторитетом, то ли вором в законе.

– Это только слухи или правда? – прервал рассказ депутата Серов.

– Да кто его знает. Но по тому, как быстро было оформлено уголовное дело на Скачкова, и то, как Карпухин до этого случая прикрывал все безобразия своего сыночка, которые тот чинил в Нахабино и Желябино, вполне можно предположить, что все это правда, – ответил Асташов. – Надо разбираться, – развел он руками.

– Надо, – вздохнул Дмитрий Михайлович. – И если все, что тут излагается, и в самом деле правда, то много, я думаю, голов полетит. Уж я это так не оставлю. Ладно, Виктор Викторович, я тебя понял, – встал со своего места Серов. – Дело тут деликатное. Можно сказать, служебное расследование надо будет проводить. Выяснять, кто прав, а кто виноват, и кто кому что должен... Да... Мне сейчас по служебным делам как раз в Главное управление уголовного розыска надо отбыть. Вот я твой запрос и это вот письмо им и передам. Пускай разбираются. – Серов протянул руку Асташову и, проведя его до дверей, заверил: – Как только что-то будет известно, мы тебе сообщим. Не переживай. Если этот Скачков Василий и вправду невиновен... Впрочем, не буду забегать вперед.

Проведя депутата, Серов вернулся к столу и еще раз перечитал переданное ему письмо. Затем прошел в приемную и взял у секретаря копию депутатского запроса, который принес Асташов. Вернувшись в кабинет, он набрал номер телефона генерала Орлова – своего старого знакомого.

– Петр Николаевич, это Серов из областной прокуратуры. Я сейчас к тебе нагряну, как и договаривались. Но у меня к тебе будет еще и дополнительная просьба. Есть у тебя свободный человек для расследования? Надо срочно один очень деликатный вопрос разрешить. Разобраться с одним депутатским запросом. Запрос по Красногорскому округу. Очень срочный запрос. Так что же – есть у тебя кому взяться за расследование? Найдешь? Хорошо. Так ты его найди прямо сейчас, пока я до тебя добирюсь. Да, да, надо, чтобы он к моему прибытию у тебя в кабинете находился. Чтобы, значит, я все ему растолковал на словах. Там, знаешь ли, есть о чем потолковать. Ну хорошо. Еду. Жди.

* * *

После звонка Серова Петр Николаевич Орлов вызвал к себе в кабинет по селекторной связи секретаршу Верочку и велел ей срочно разыскать полковника Гурова Льва Ивановича.

– Ты мне его, Вера, из-под земли достань и незамедлительно ко мне доставь, – сказал он.

– Петр Николаевич, я ведь вам не джинн какой-нибудь, и бороды у меня, чтобы волосы из нее выдирать и заклинания разные произносить, как вы сами видеть изволите, нет, – заявила

Верочка. – Я могу ему, конечно, позвонить и ваше приказание передать, но доставить его срочно и незамедлительно – это, уж простите, не в моей власти.

– Не ворчи, радость моя, – улыбнулся в ответ Орлов. – Просто сделай, как я тебе сказал. Передай Льву, что я жду его в своем кабинете через двадцать... нет, через пятнадцать минут.

Верочка поворчала еще что-то себе под нос и вышла. А через три минуты сотовый Орлова, стоявший на вибрации, ожил и пополз по столу. Петр Николаевич едва успел схватить его, не давая упасть аппарату на пол.

– Ага, легок на помине, – довольно проговорил он, посмотрев на дисплей, и ответил звонившему: – Да, Лева, ты нужен мне срочно. Зачем? Да я и сам пока не знаю зачем. Но – нужен. Ко мне сейчас из облпрокуратуры должны заехать. Просили найти им кого-нибудь потолковей для расследования какого-то очень уж деликатного дела. Это не мои слова насчет потолковей, – поспешно добавил он. – Что? Плохо слышно. Вы с Крячко еще дело рэпера Василькова не закончили? Ничего. Станислав и сам управится. Подумаешь – рэпер Васильков... А у меня, кроме тебя и него, толковых и опытных оперативников не так уж и много. Даже, можно сказать, почти никого, кроме вас, и нет. Одна зеленая молодежь. А разве я могу молодежи доверить деликатное дело? Деликатное дело – это, понимаешь, такое дело, что... Так что не спорь, а живо давай ко мне.

Чтобы не слушать возражений и оправданий от своего подчиненного и старого друга Льва Гурова, Орлов отключил связь, удовлетворенный результатами переговоров, и хитро улыбнулся.

– Начальник я, в конце концов, или не начальник? – задал он риторический вопрос самому себе и принялся вычитывать и подписывать какие-то документы, от которых его оторвал звонок главного прокурора Подмосковья Серова.

Гуров, как и ожидал Орлов, конечно же, не появился в его кабинете ни через пятнадцать, ни через двадцать минут.

– Ты уж извини, Дмитрий Михайлович, – оправдывался Орлов перед Серовым. – У меня сейчас все ребята при деле. Все в полях, так сказать. Пришлось нужного человека отрывать от расследования. Приедет, надо только подождать еще немного. Сам понимаешь – в это время такие пробки на дорогах, что и захочешь, а быстро добраться куда надо – не получится. Пока давай с тобой по другим делам пробежимся. Что там у тебя?

Гуров вошел в кабинет в тот момент, когда Серов уже собирался уходить, так никого и не дождавшись.

– Прошу прощения, – вместо приветствия произнес он. – Оправдываться – себе дороже. Но как мог, так и приехал.

– Гуров? – присмотревшись, узнал Льва Ивановича Серов. – Так что же ты, Петр Николаевич, мне сразу не сказал? – укорил он Орлова. – Я тогда бы не ворчал на тебя, а терпеливо дожидался его прибытия. – Прокурор подошел к Гурову и, протянув тому руку, добавил: – Давно не виделись, Лев Иванович.

– Давно, – без улыбки подтвердил Гуров. – Лет пять или даже того больше.

– А ты, я вижу, до сих пор на меня дуешься за тот разгон, что я тебе дал, – снисходительно заметил Серов. – Так ведь по справедливости же, согласишься.

– Не соглашусь, Дмитрий Михайлович, – ответил Лев Иванович и улыбнулся. – Но кто старое помянет, тому и глаз вон.

– Это точно, – вместо Серова ответил генерал Орлов. – Потому-то я ни Льву, ни тебе, Дмитрий Михайлович, не стал ничего говорить заранее. Теперь давайте к делу, – пригласил он всех к своему столу.

Серов достал из папки, которую он принес с собой, нужные бумаги и протянул их Гурову.

– Тут депутатский запрос и к нему прилагаемое письмо от жителей деревни Желябино и поселка Нахабино. Прочти внимательно, а потом все обсудим.

Гуров читал, а Серов и Орлов молча следили за выражением его лица. Прокурор уже успел вкратце рассказать Петру Николаевичу суть дела, которое он привез для расследования, и теперь Орлову, как и областному прокурору, была интересна реакция Льва Ивановича. Гуров же, отлично зная характер своего начальника и друга, старался не показывать своих эмоций. Неторопливо и обстоятельно изучив запрос и прочитав письмо, он отложил их в сторону и посмотрел на Серова с таким спокойным и непроницаемым выражением лица, что этому выражению мог бы позавидовать сам знаменитый Шерлок Холмс.

– Ну? – задал вопрос Серов.

– Хотите знать мое мнение или это «ну» относится к чему-то другому? – невозмутимо поинтересовался Гуров.

– Естественно, мне интересно твое мнение, Лев Иванович, – нетерпеливо ответил Серов.

Орлов молча и с загадочной улыбкой смотрел то на одного, то на второго собеседника. Он знал, что Гуров недолюбливает Дмитрия Михайловича. И дело было даже не в том давнем инциденте, когда Серов незаслуженно подверг Льва Ивановича служебной критике, а в еще более давних отношениях между ними. Можно сказать, что они недолюбливали один другого еще со времен студенчества. Что, впрочем, не мешало обоим с уважением относиться к профессиональным качествам друг друга.

– Если письмо среди прочих подписано Матюшиным Пименом Ивановичем, то я думаю, что есть смысл начать проверку и провести расследование, – ответил Гуров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.